

З. В. Торговец



Проблема красоты и труда в произведениях А. П. Чехова о крестьянстве

Человек и труд — вот творческий девиз Чехова. Поэтому Чехов не отделим от современности.

К. Ф е д и н.

Проблема человеческой красоты, ее сути, истоков занимает одно из центральных мест в творчестве А. П. Чехова. К этой проблеме обращались многие исследователи, в частности В. Ермилов, З. Паперный, Г. Бердников. В данной статье рассматривается один из аспектов этой проблемы — связь труда и красоты, как она раскрывается в произведениях Чехова о крестьянстве. Закономерности, которые прослеживаются в данном цикле, касаются в большей или меньшей мере всего творчества писателя, так как рассказы и повести Чехова о крестьянстве не противостоят его произведениям о тружениках города, о демократической интеллигенции, они входят как составная часть в чеховскую энциклопедию народной жизни. Эта «энциклопедия» отличается богатством и разнообразием человеческих характеров. Более ста произведений Чехова посвящены жизни сельских тружеников, но ни в одном из них нет сходных характеров, нет стремления создать обобщенный образ русского крестьянина, стремления, столь характерного для писателей, близких к народничеству. Вся галерея образов, созданных Чеховым, говорит о том, что его интересуют люди своеобразные, не утратившие индивидуальности. В этом «разнообразии лиц, голосов, умов, вкусов, верований»¹ он угадывал неисчерпаемую жизненную силу народа. Красота — в многообразии, — так можно сформулировать один из эстетических принципов Чехова.

Интерес писателя к лицам, к неповторимому в характере человека сочетается с вниманием к обыкновенному. О радостях и горестях простых людей рассказывает Чехов в большом цикле лирико-драматических новелл — «Егерь», «Тоска», «Художество», «Агафья» и другие. Не скрывая отрицательных сторон жизни, Чехов показывает человечность своих героев, красоту их чувств и надежд, которым часто не суждено сбыться. Умолкает тихая мелодия песни о гибнущей любви («Егерь»), не находит отклика у людей горе Ионы, не дойдет до дедушки письмо Ваньки Жукова. В «Агафье» — новелле, которая особенно важна для нашей темы, — «красота, любовь предстают перед нами в каком-то непросветленном виде, омрачены душевной неразвитостью, грубая жизнь душит их»².

¹ А. П. Чехов. Сочинения и письма, Гослитиздат, М, 1944—1951, т. IX, стр. 500. Далее ссылки даются по этому изданию.

² З. С. Паперный А. П. Чехов. Очерк творчества, Гослитиздат, М, 1960, стр. 54.

Как раскрываются в этом цикле произведений истоки человеческих ценностей? Один из исследователей творчества писателя Г. П. Бердников говорит: «...Отказавшись от традиционных объяснений особенностей народной психологии, Чехов на первых порах пытается найти внесоциальное решение вопроса в рамках естественного общения человека с природой»³.

Действительно, в рассказах «Верб», «День за городом», «Весна» Чехов говорит о красоте людей, близких к природе. Подобный мотив есть и в «Егере» (образ Егора), в «Агафье» (образ Савки). Однако ни в этих произведениях, ни в других, близких по теме, мысль о благотворном влиянии природы на человека не является единственной, в большей части рассказов близость к природе не определяет главного в поведении героев. Своеобразие подхода к характеру героя в этих новеллах заключается, на наш взгляд, в том, что Чехов не сводит истоки красоты к одному фактору, он выдвигает разные причины и не дает при этом окончательных ответов. Положение человека в обществе, человек и природа, человек в его отношении к труду, его неповторимые личные особенности, — все это входит в сферу чеховского художественного анализа. Разносторонность в анализе характера, разнообразие в мотивировках действия — важное положительное качество новелл Чехова 80-х годов. Но с этим перспективным моментом связана и слабость писателя, — социальные причины поведения человека отодвинуты на второй план, иногда оценены недостаточно четко.

И в понимании красоты народной, и в выборе героя Чехов отталкивается от штампов либерально-народнической литературы. Его привлекают мужики «непутевые», отбившиеся от обычного труда на земле. Среди них видит Чехов людей талантливых, с большими творческими способностями. Егор — талантливый охотник («Егерь»), Григорий — великолепный тэскар («Горе»), Сережка — замечательный художник («Художество»), талантлив и Савка («Агафья»). К крестьянскому труду все они относятся равнодушно, критически. Егор противопоставляет свое вольное «художество» рабскому труду Пелагеи, Савка — не пашет, не хозяйничает — «не то, чтобы у него не хватало воли, энергии или жалости к матери, а просто так, не чувствовалось охоты к труду и не сознавалась польза его... Для шаблона он ленив» (IV, 196).

Писатель сочувствует тем героям, которые (пусть неосознанно) жаждут труда творческого, такого, в котором могла бы проявиться их индивидуальность. В новелле «Художество» противопоставлены друг другу два образа: церковный сторож Матвей и «художник» Сережка. Матвей — человек кроткий, терпеливый, религиозный. Отдавая должное его физической силе, Чехов явно критически изображает его облик — есть в нем что-то неподвижное, застойное, подстать «задумчиво-сонной» реке. Матвеем противопоставлен Сережка, подвижный, с сердитыми глазами, резко покрикивающий на напарника. Обыкновенная работа нагоняет на него скуку, «настоящая» — точная, тонкая — захватывает и трудностью, и тем, что сулит ему славу, торжество. И тогда он работает с волнением, со страстью.

Труженика, даже самого покорного, Чехов не ставит в один ряд с «хозяевами жизни», но симпатии писателя, его особый интерес привлекают те, кто недоволен трудом рабским, безынициативным, привычным. Чехов видит искры красоты человеческой в тех простых людях, которые рвутся к чему-то необычному, сохраняя черты индивидуальности. Правда, и эти герои Чехова противостоят «заведенному

³ Г. П. Бердников, А. П. Чехов. Идейные и творческие искания, Гослитиздат, М.—Л., 1966, стр. 72.

порядку» стихийно, они не покоряют читателя открытой красотой и поэтичностью, как талантливые мужики в тургеневских «Записках охотника». Чехов раскрывает сложное сплетение в характерах Савки, Сережки, Егора, Григория творческого начала с апатией, вольнолюбия с привычкой жить бездумно, «полумашинально». У некоторых из них появляются первые попытки осмыслить свое место в жизни, свою ответственность за судьбу близких («Егерь», «Горе»). Тема труда соединяется у Чехова с борьбой за освобождение личности, за утверждение человеческого достоинства труженика.

В произведениях конца 80-х годов («Мечты», «Свирель», «Счастье», «Степь») простые люди пытаются понять течение жизни, заглянуть в будущее. Они мечтают о счастье, о свободе, о людях-богатырях. Картины природы при всей своей конкретности вбирают в себя черты, характерные для чеховского восприятия жизни народа и родины.

В картинах степи («Степь»), в песне, которая слышится в родных просторах, выражена мысль о скрытой, подавленной враждебными силами красоте народа. Расцвет родины Чехов связывает с волей, с вдохновением, с размахом, со стремительным движением вперед. Этой мечте противостоят не только внешние, сковывающие народ силы, но и пассивность простых людей: пассивность мышления и действия. Прошлое, привычное довлеет над ними. Долгие годы однообразного труда сказываются в характере, в жестах, в особенностях речи Пантелея. Не может оторваться от прошлого бывший певчий Емельян.

Чехов не рассматривает трудолюбие как положительное качество вообще, он соотносит привычку к труду с его содержанием, с его конкретными формами и, главное, с отношением человека к «заведенному порядку» («Гусев», «В ссылке», «Остров Сахалин», «Палата № 6» и др.). В эти годы Чехов показывает, как покорное исполнение труда-повинности входит в «заведенный порядок», становится одним из проявлений жизни рабской, жизни «по инерции». Наиболее полно эта мысль раскрывается в истории Егора («Остров Сахалин»). Он ни одной минуты не может прожить без какой-либо работы и, даже рассказывая писателю о своей жизни, «ищет глазами, нет ли чего убрать или починить». Этот простодушный, добрый, терпеливый человек никогда не задумывается, зачем он работает, для кого. Сознание неволи потеряно им. Такой труд-привычка, труд без творчества, без мысли и, главное, без отказа на руку тем, кто стремится превратить человека в раба, «во вьючное животное».

Егор потерял важнейшее, коренное, по мысли Чехова, свойство человеческой природы — стремление к свободе. Стремление к свободе, писал Чехов в книге «Остров Сахалин», «присуще человеку и составляет при нормальных условиях одно из его благороднейших свойств» (X, 308).

Мы уже говорили о том, что, несмотря на трагическую разьединенность свободы и труда, только в тех, кто трудится, видел Чехов красоту и способность «выпрямиться». О труде как основе красоты человека и народа писал Чехов, в частности, в рассказе «Жена». Привычка к труду показана здесь как источник мужества и силы.

Разные аспекты в разработке проблемы труда и красоты человеческой не сведены у Чехова к единому решению, противоречия в оценках не сглажены. Но, сопоставляя их, можно сказать, что где-то на скрещении свободы и труда, труда и его осознания таится секрет человеческой красоты. К такому выводу подводят читателя произведения Чехова конца 80-х — начала 90-х годов.

В последний период творчества в произведениях об интеллигенции и народе («Дом с мезонином», «Моя жизнь», «Новая дача», «По

делам службы»), в «народных повестях» («Мужики», «В овраге») Чехов вновь обращается к этой проблеме. В период нового общественно-го подъема демократизм и политическая активность Чехова усилились, интерес к проблемам общественным стал более острым. Чехова особенно волнует трагедия народа, ее общие причины и те черты народной психологии, которые характерны для массы, для большинства простых людей.

Тема труда связана в его повестях с коренными противоречиями в жизни общества, общества, основанного на праздности меньшинства, и тяжелом, каторжном труде народных масс. Чехов отмечает и другое коренное противоречие — невозможность для большинства воспользоваться достижениями культуры, прогресса, отгороженность народа от труда духовного. «...Голод, холод, животный страх, масса труда, точно снеговые обвалы, загородили им все пути к духовной деятельности, именно к тому самому, что отличает человека от животного и составляет единственное, ради чего стоит жить» (IX, 96).

Трагическая судьба крестьянской массы показана Чеховым в «Мужиках». Это не трагедия острых потрясений, неожиданных бедствий, это трагедия бесперспективной ежедневной борьбы с «массой труда» и лишений. Среди жуковцев немало людей опустившихся, таких, как Осип или Кирьяк. Они отбились от крестьянской работы не из-за вольнолюбия или таланта, как Савка, Егор, Сережка, а потому, что не выдержали тяжести бедствий и труда, «ослабли», отчаялись. Но большинство тружеников продолжает свою работу. В этом ряду — бабка («Мужики»), Лошадин («По делам службы») и многие, многие другие. Их усилиями держится и движется жизнь, это они — «идут, идут, идут...»

Крестьянский труд не противостоит у Чехова труду рабочих («Моя жизнь»). Но писатель обращает особое внимание на техническую отсталость деревни; крестьянин, который идет за своей сохой, кажется Мисайлу («Моя жизнь») не гармоническим человеком, а «неуклюжим зверем».

Чехов придавал большое значение процессу сближения тружеников города и деревни, он замечал, как сдвинулись со своих обжитых мест массы народа, как заполнили они дороги России в поисках работы и хлеба.

Особое место в этой связи занимает повесть «В овраге» — произведение резких социальных, этических и эстетических контрастов. Определяет эти контрасты противопоставление двух миров — мира собственников и мира тружеников. Сопоставляя эти два мира, Чехов с особой силой утверждает в этом произведении связь труда и красоты, труда и человечности. Фальшивой, животной красоте хозяйки Аксиньи противостоит в повести истинная красота Липы. Она трогательна, нежна, доверчива. «...В самом деле она была красива, и одно только могло в ней не нравиться — это ее большие мужские руки, которые теперь праздно висели, как две большие клешни» (IX, 384).

Руки Липы нарушают гармонию ее облика, напоминают о тяжести труда, который с детства вошел в ее жизнь. Но именно труду (хоть и чрезмерному, одностороннему) обязана Липа своей человечностью. В процессе труда раскрывается ее чудесная, светлая красота.

«Босая, в старой поношенной юбке, засучив рукава до плеч, она мыла в сенях лестницу и пела тонким серебристым голоском, а когда выносила большую лохань с помоями и глядела на солнце со своей детской улыбкой, то было похоже, что это тоже жаворонок» (IX, 393—394).

Сравнение Липы с жаворонком по построению напоминает сравнение Аксиньи с гадюкой («она глядела, как весной из молодой ржи глядят на прохожего гадюка...»), контрастный фон помогает писателю ярче показать истинное лицо каждой из героинь. При «волшебном свете луны» Аксинья еще более отвратительна.

Липа не мыслит жизни без труда, она и в доме Цыбукиных «на поденке», она и сына своего видит в будущем батраком. Но в этом случае нет того осуждения героини, с которым мы сталкивались в «Истории Егора». Трудолюбие Егора сливалось с покорностью «заведенному порядку», у Липы любовь к труду — та основа жизни и характера, которая помогла доверчивой девочке не признать порядка Цыбукиных, не принять их представлений о жизни, о красоте, о человеке. Привычка к труду может, таким образом, быть и «инерцией жизни», выгодной хозяевам, она может стать и основой для сопротивления миру Цыбукиных и им подобных.

Липа бьется порядка Цыбукиных, ее сопротивление стихийно. Костыль — человек более развитого сознания, поддерживает нравственно и ее, и Прасковью. У Костыля есть чувство ответственности за все, что происходит вокруг него, есть чувство творца и поэтому хозяина. Он не поддается морали собственников. Подрядчик, он не изменяет привычкам рабочего, не покупает в собственность ни дома, ни «дрожек-бегунцов», о которых мечтала его жена. Он по-прежнему ходит пешком по своему уезду, «с одним мешочком, в котором были хлеб и лук», и шагает широко, свободно.

Думается, что Чехов сознательно выделил из массы людей труда Липу — невестку Цыбукиных, подрядчиков Костыля, Редьку («Моя жизнь»). Все эти герои попадают в среду хозяев и имеют возможность слиться с нею. Но они с честью проходят «испытание на прочность». Изменение условий жизни не сделало их собственниками, трудолюбие оказалось основой духовной стойкости и критического отношения к буржуазной морали. Чехов придает огромное значение процессу осознания простыми людьми роли труда в жизни общества. Писатель показывает первые попытки простых людей утвердить себя в труде, осознать его необходимость для родины. Эти мысли и чувства сближают их, включают в «бесконечный ряд жизней», в этом ряду — «и они сила, и они старше кого-то». У Липы — это смутные ощущения, у Костыля — осознание ценности труда. Он знает, что плотник «выше купца первой гильдии», что «кто трудится, кто терпит, тот старше». Вера в победу справедливости и труда подымает больного Редьку, дает ему новые и новые силы.

Повесть «В овраге» некоторыми мотивами перекликается с повестью «Степь». Старик из Фирсанова, встреченный Липой в самую тяжелую ночь ее жизни, рассказывает ей о широте, о просторах родной страны, он связывает и ее и свою судьбу с судьбой родины — России. Читая эту сцену — лирическую кульминацию повести, — вспоминаешь и мечты объездчиков в «Степи», и сказки Пантелея, которыми он утешал себя и других, видишь единство народной жизни и вместе с тем движение ее — рост сознания простых людей, отраженный писателем.

В среде тружеников укрепляются новые связи — не общинные, не имущественные, а идейные, нравственные. Этот процесс Чехов показывает в самом его начале, его думающие герои — Редька, Костыль — не протестуют активно, не связывают своего отношения к труду с борьбой за его освобождение. Чехов отражал рост народного сознания неполно, он показал только те черты нового, в реальность, перспективность, разумность которых он верил. Но писатель был убежден в необходимости полного разрыва с моралью старого общест-

ва. Этот разрыв требовал, по Чехову, высокого сознания, требовал героизма, подвига. Чехова всегда радовали те черты народного характера, в которых он замечал залог возможных коренных перемен.

В рассказах и повестях Чехова о крестьянстве явственно проступает идеал высокоразвитой, гармонической личности, который сложился у великого писателя. Этот идеал мог утвердиться, по мысли писателя, только в будущем, после коренных перемен в жизни общества. Чехов верил, что наступит время, когда работать будут все и когда для всех людей — не для избранных — труд станет сознательным, культурным, свободным. Чехову видятся в будущем такие формы труда, которые, объединяя людей, дадут простор для развития каждой свободной человеческой личности.

Кафедра русской и зарубежной литературы Кировоградского пединститута
